

— Ты хочешь сказать, что скрывать что-то от тебя сложнее, чем от десятка людей из семьи Чжоу, и теперь, когда ты узнал правду, мне нужно тратить лишь малую часть усилий, чтобы обманывать остальных.

Е Тао наконец рассмеялся:

— Ты действительно хорошо понимаешь себя, мистер Лис.

Его улыбка была не слишком широкой, лишь уголки губ слегка приподнялись, а в глазах заиграл мягкий, ленивый блеск.

Чжоу Цзыцянь в этот момент почему-то отвлекся от разговора и не к месту вспомнил старые строки:

*

На севере есть красавица, непревзойденная и величественная.

Один взгляд — и падет город, второй — и падет государство.

*

Е Тао не заметил, что Чжоу Цзыцянь отвлекся. Постепенно улыбка сошла с его лица, длинные ресницы опустились, и он вздохнул:

— Подумай еще раз. Кроме продолжения обмана, я готов выполнить любые другие условия.

— Это не обман, а защита покоя моей семьи и спасение жизни моего отца. Е Тао, я не хочу никого принуждать, но у меня тоже есть свои причины. Мой отец уже стар, и ему будет тяжело пережить еще одну потерю близкого человека. Если мы позволим Юньси внезапно умереть, прости за мои слова, но старик, возможно, не протянет и двух-трех лет. Семья Чжоу уже однажды пережила крах после смерти моего брата и его жены, и если это повторится, то дом перестанет быть домом.

Чжоу Цзыцянь не мог отпустить Е Тао и не хотел этого делать, но, как и сказал Е Тао, он уже не подросток, и принуждение могло только ухудшить ситуацию. Ему оставалось только таким образом пытаться удержать его.

Е Тао поднял глаза под взглядом Чжоу Цзыцяня, полным надежды. Он не вздохнул и не нахмурился, но всем своим видом выражал крайнюю беспомощность:

— Я признаю, что твои опасения обоснованы, и, как и ты, не хочу, чтобы это стало реальностью. Но у каждого своя судьба, и я не могу нести ответственность за всю семью Чжоу.

Чжоу Цзыцянь понимал, что раз Е Тао принял решение, то вряд ли его изменит. Но понимание не избавляло от головной боли, и хотя он заранее предвидел это, отсутствие решения только усугубляло ситуацию. Вопрос о том, останется ли Е Тао, зашел в тупик.

Несмотря на это, жизнь шла своим чередом, и раны Е Тао постепенно заживали. После снятия гипса его забрали обратно в главный дом, если этот дом еще можно было назвать домом, ведь он отсутствовал там около полумесяца.

Даже обычно невозмутимый дядюшка Чжоу, казалось, скучал по нему, а Сестрица Ма проявляла еще больше заботы, несколько раз упомянув, что внук похудел, и поспешила на

кухню, чтобы дать указания. Когда блюда одно за другим были поданы на стол, все они оказались любимыми блюдами дяди и племянника Чжоу.

Е Тао не был привередлив в еде, и определить, что ему нравится, а что нет, было непросто. Чжоу Цзыцянь лишь недавно начал обращать внимание на его предпочтения, и, увидев на столе блюда, которые любили он сам и его племянник, решил добавить пару блюд по вкусу Е Тао.

Е Тао принял его предложение, немного подумал и назвал два блюда.

Чжоу Цзыцянь уже хотел что-то сказать, как вдруг быстро вошел Ци Хэ и принес новость, которая испортила ему аппетит — Ло Дун прибыл.

Ло Дун с улыбкой вошел в дом, как ни в чем не бывало поздоровался с Чжоу Цзыцянем, и тот, не нарушая приличий, обменялся с ним несколькими вежливыми фразами, пригласил его за стол, велел слугам добавить приборы и открыл бутылку хорошего вина.

Это была их вторая встреча после драки. В прошлый раз они виделись в бывшей резиденции Чжоу Цзыцяня, где Ло Дун формально извинялся за свою опрометчивость и грубость, но на самом деле хотел убедиться, что Чжоу Цзыцянь не стал из-за их ссоры притеснять Е Тао.

Наедине Чжоу Цзыцянь и Ло Дун испытывали друг к другу отвращение, но на людях вели себя так, будто их дружба стала еще крепче после ссоры. Неосведомленные люди могли подумать, что их отношения настолько хороши, что даже после ссоры они могут легко помириться.

Ужин прошел спокойно, после чего слуги принесли полотенца для рук, воду для полоскания рта, убрали посуду и остатки еды, а затем приготовили чай.

— Сестрица Ма, я сам.

Е Тао, видя, как они стараются, взял из рук Ма чайник.

— Справишься? Осторожно, не обожгись.

Ма была не слишком уверена, так как рука Е Тао еще не полностью зажила, и даже после снятия гипса он носил поддерживающую повязку. Ему было трудно даже обслуживать себя, не говоря уже о других.

— Ничего страшного.

Е Тао налил процеженный чай в чашки для Ло Дуна и Чжоу Цзыцяня, а затем обратился к Ма:

— Ты уже полдня на ногах, иди отдохни.

Как только Ма ушла, атмосфера сразу изменилась. Ло Дун смотрел на Чжоу Цзыцяня с сарказмом, улыбаясь через силу. Чжоу Цзыцянь предпочел не смотреть на него, чтобы не раздражаться.

— Открой, посмотри.

Е Тао выбрал одну из вещей, принесенных Ло Дуном.

Тот наконец отбросил насмешливую улыбку и занялся распаковкой своих вещей. Среди них были мобильный телефон, планшет, а также ручка и блокнот, которыми Е Тао привык

пользоваться.

Ло Дун взял новый планшет, пересел рядом с Е Тао и спросил, какие программы ему нужны, чтобы установить их.

— Не нужно, отнеси в мою комнату.

Е Тао повел Ло Дуна в свою комнату, чтобы поговорить с ним наедине:

— Не беспокойся обо мне, я справлюсь.

Положение Е Тао теперь отличалось от прежнего. После раскрытия своей сущности он стал абсолютно чужим в этом доме, и принимать нежеланных гостей, даже если это было оправдано, становилось все более неловким.

— Ты думаешь, мне хочется сюда приходить? — Ло Дун поднял глаза, его голос звучал так же высоко, как и изгиб его глаз. — Побыстрее разберись с этим делом и возвращайся туда, откуда пришел, чтобы я больше не волновался за тебя.

Эти слова были адресованы Е Тао, но явно предназначались для ушей того, кто стоял за дверью. Ло Дуну было все равно, слушают его или нет, суть была ясна: раз он держит Е Тао здесь, то не стоит удивляться, что его время от времени будут «напоминать».

Чжоу Цзыцянь не просто не любил слушать Ло Дуна — он хотел выгнать его и никогда больше не видеть. Но он должен был учитывать Е Тао, не хотел ставить его в неловкое положение и не мог слишком явно противостоять Ло Дуну, чтобы не вызвать у Е Тао неприязни. В итоге ему пришлось смириться.

Этот неприятный для всех тупик нашел выход вскоре после выздоровления Е Тао, но ни одно из событий, приведших к этому, не было хорошим.

Через несколько дней после начала третьих девяток слуга, присматривавший за Сюй Маньнин, сообщил, что у нее случился приступ. Она несколько ночей подряд не спала, катаясь в инвалидной коляске по коридору. Сначала слуга подумал, что у нее бессонница, и не придавал этому большого значения, но прошлой ночью кто-то услышал, как она разговаривает сама с собой, будто ведет диалог с Чжоу Цзыцинем, и только тогда поняли, что с ее психикой что-то не так.

Дядюшка Чжоу быстро привел врача, и Сюй Маньнин вела себя перед ним спокойно, но той же ночью произошел инцидент. Она положила свои снотворные в еду слуги, а затем выбралась через окно в служебной комнате. Ее нашли почти замерзшей.

Чжоу Цзыцянь навестил ее в больнице, и женщина, выглядевшая изможденной, словно переживая последний всплеск сил, схватила его за руку и зарыдала:

— Цзыцинь, заведи меня отсюда! Я больше не могу терпеть это ужасное место! Я не могу здесь больше оставаться! Умоляю, заведи меня...

Чжоу Цзыцянь вышел из палаты и приказал дядюшке Чжоу:

— Отправь ее в санаторий.

Тот быстро связался с лучшей психиатрической клиникой в столице, но проблемы не

закончились. Вскоре Чжоу Цзыцянь получил звонок из Хуэйчжоу — Чжоу-старший упал в обморок дома. Чжоу Цзыцянь срочно заказал билеты и на следующее утро улетел в Хуэйчжоу.

Чжоу-старший был основателем компании Гуанъюй, и хотя он уже отошел от дел, все еще обладал правом принятия ключевых решений и был крупнейшим акционером. Если бы слухи о его болезни распространились, это могло бы стать негативной новостью для компании. Чжоу Цзыцянь отнесся к этому очень серьезно, не допустив утечек в компании, и только дядюшка Чжоу знал, почему он внезапно уехал в Хуэйчжоу.

Е Тао был очень проницательным и, узнав, что Чжоу Цзыцянь срочно уехал в Хуэйчжоу, предположил, что, скорее всего, что-то случилось с Чжоу-старшим. Однако дядюшка Чжоу был крайне сдержан и не стал раскрывать ему подробностей, лишь сказал, что Чжоу Цзыцянь уехал по делам, и просил не волноваться.

Чжоу Цзыцянь пробыл в Хуэйчжоу семь-восемь дней, а вернувшись в столицу, сразу же сменил одежду и поспешил в офис, чтобы разобраться с накопившейся работой. Когда он вернулся домой, уже была глубокая ночь, он быстро принял душ и, измученный, лег спать.

<http://bllate.org/book/17687/1650250>